

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

УДК 001;316.33

DOI: 10.5840/dspl2018111

THE DIGITAL SCHOLAR И СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, ул. Гагарина, д. 23; e-mail: itkasavin@gmail.com.

Статья привлекает внимание к тому обстоятельству, что журнал (journal, но не magazine) сегодня является важнейшим фактором развития исследований, а также формирования научной традиции и цементированию дисциплинарного сообщества. История философского журнала оказывается иллюстрацией того, каким разным образом складывалась академическая философия на континенте и в англосаксонском мире и какую роль в этом процессе играли социальные и культурные обстоятельства. Возникшая тем самым дивергенция не только выразила собой известный плюрализм философских учений, но и привела к определенным негативным последствиям. В социальной технологии журнального дела отразились особенности и противоречия современной науки как социального института, в частности, дилемма коммерциализации знания и знания как общественного блага. Научный журнал лишь тогда выполняет позитивную роль в информационном обществе, когда в основе его стратегии лежит понимание науки как культурной ценности.

Ключевые слова: философская традиция, типы научных журналов, А. Бэйн, Х. Файхингер, информационное общество, коммерциализация науки, наука как общественное благо.

THE DIGITAL SCHOLAR AND THE STRATEGY OF A SCHOLARLY JOURNAL IN PHILOSOPHY

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, professor, chair, correspondent member of the Russian Academy of Sciences. RAS Institute of Philosophy, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com.

The article attracts attention to the fact that a scientific journal (not a magazine) today is an essential factor in the development of scientific research, as well as in the formation of a scientific tradition and cementing the disciplinary community. The history of philosophical journal serves to illustrate the different ways taken by the academic philosophy on the continent and in the Anglo-Saxon world and the role of social and cultural circumstances in the process. This divergence not only expressed a known pluralism of the philosophical trends, but also led to some negative consequences. The social technology of scientific journalism reflects the peculiarities and contradictions of modern science as a social institution, and in particular, the controversy between the commercialization of knowledge and knowledge as a public good. Scientific journal only then performs a positive role in the information society, when it promotes the strategy of dealing with and understanding science as a cultural value.

Keywords: national philosophical tradition, types of scientific journals, A. Bain, H. Veihinger, disciplinary community, information society, science commercialization, science as public good

К постановке проблемы

«Если можешь не писать – не пиши, / Лучше выйди погулять, подыши» – примерно такова мысль известного поэта. “Publish or perish!” – так звучит лозунг западного ученого, желающего делать карьеру. Отсюда вопрос не только в том, сколько и что именно следует публиковать, но в том, *где*. Многие молодые ученые в развитых странах, вынужденные зарабатывать себе место профессора, ориентируются не

столько на неформальный статус журнала, сколько на его место в соответствующем рейтинге. Когда же научная репутация завоевана и искомая позиция получена, это, впрочем, становится не столь важным. Теперь можно писать книги и не связываться с журналами.

Нынешняя мировая «бюрократическая революция» в науке фактически направлена на нивелировку ученых вне зависимости от степеней и званий. Отныне все обязаны зарабатывать научную репутацию по возникшим в англо-саксонском сообществе критериям – количеству публикаций в журналах из баз данных Web of Science и Scopus. Эти базы – коммерческий продукт крупнейших мировых холдингов Thomson Reuter и Elsevier. Такой крупный результат маститого ученого как монография в значительной степени обесценена в качестве инструмента научного лифта, хотя именно в ней гуманитарий (а нередко – и физик) может с должной полнотой представить разработанную теорию или концепцию. Но оставим сожаления и повернемся лицом к реальности.

Уроки мировой истории философского журнала

Философские журналы, как известно, имеют своеобразную историю. Термин «natural philosopher», обозначавший ученого до середины XIX в., когда У. Хьюэлл, наконец, изобрел слово «scientist», издавна сохранял единство философии и науки и ненужность специальных философских журналов. Таковы были первые научные журналы *Journal des sçavans* (Paris, 1665–1792), *Philosophical Transactions* (London 1665), and *Acta eruditorum* (Leipzig, 1682–1731), которые, тем не менее, сыграли значимую роль в популяризации философских идей. Первые собственно философские журналы стали издаваться только в XVIII в. в Германии, где активно шло формирование профессиональной университетской философии. Неудивительно, что они появлялись под патронажем ведущих немецких университетов. Среди таких журналов – «*Acta philosophorum*» (Halle, 1715–26), «*Philosophisches Journal einer Gesellschaft deutscher Gelehrten*» (Jena-Leipzig, 1795–1800) и «*Kritisches Journal der Philosophie*» (Tübingen, 1802–03). Поскольку же философские факультеты в немецких университетах объединяли почти все социальные и гуманитарные науки, то и в журналах, наряду с философскими, публиковались статьи по теологии, политической науке, педагогике, праву и пр. Примеру немцев довольно скоро последо-

вали и французы с «*Revue philosophique, littéraire et politique*» (Paris, 1794–1807). В середине XIX в. количество специальных философских журналов в Германии, Франции, США, Италии, России, Польше уже исчислялось несколькими десятками. Важнейшие фрагменты истории философского журнала прослежены А.П. Огурцовым в его статье «Философский журнал» [Огурцов, 1979].

Возникновение философского журнала было обязано активной дифференциации науки, возникновением ряда социальных и гуманитарных наук и решительным размежеванием экспериментальной науки со спекулятивной философией. Именно набор социально-культурных обстоятельств заставил философов заняться развитием дисциплинарной издательской инфраструктуры. Примечательно, что здесь четко обозначились две линии развития, соответствующие культурным традициям европейского континента и англо-саксонской ментальности.

В данном контексте нелишне напомнить, что культурные и философские традиции не возникают как «божественная данность» ни для немцев, ни для французов, ни для англичан. Казалось бы, англичанам и немцам было легче, чем многим другим: к началу XX века у них определилась влиятельная философская традиция, ориентированная на британский эмпиризм и классический немецкий идеализм соответственно. Известно, впрочем, что Юм еще в XIX в. считался более историком и публицистом, чем философом, а философия Канта несколько десятилетий в XIX в. находилась в забвении. Если бы не возникновение аналитической философии сознания в Англии и не усилия неокантианцев, то статус этих традиций мог еще долго находиться под сомнением.

Весьма характерно, что британские и континентальные научные академии и философские журналы создавались по-разному. Мы уже упомянули связь немецких журналов с университетами. Так, один из первых немецких журналов, в котором была поставлена задачи поддержки не только конкретной дисциплины (истории философии), но и направления (неокантианства), был «*Kant-Studien*» (1896). Его основатель, Ханс Файхингер (Hans Vaihinger, 1852-1933) как философ остался в истории благодаря своей книге «Философия как если бы» (*Die Philosophie des Als Ob*, 1911), в которой он усиливает фикштеанскую интерпретацию философии И. Канта в контексте развития естествознания. Однако еще больше он сделал как организатор философского

журнала, пропагандировавшего наследие Канта и вернувшего классику из того относительного забвения, в котором тот оказался во второй половине XIX в. Известный лозунг «Назад к Канту!» (1865) реализовался во многом благодаря журнальной деятельности Файхингера. Отметим, что «Kant-Studien» был тесно связан с Университетом Галле, с которым был аффилирован его первый издатель, и сегодня журнал вернулся в свою альма-матер: Хайнер Клемме, его нынешний главный редактор, в настоящее время работает там же. Такова типичная судьба континентального академического журнала, связанного с некоторым научнообразовательным центром и определенным научным обществом (Кантовским обществом, в данном случае). Современные немецкие философские журналы, не слишком подверженные интернационализации, иной раз превращаются в издания, где публикуются результаты конкретных исследовательских проектов весьма узкой группы ученых.

С историей «Kant-Studien» и вообще континентального философского журнала полезно сравнить историю британского периодического издания, например, «Mind». Его основал в 1876 г. шотландский философ, ученый и организатор науки Александр Бэйн (Alexander Bain, 1818-1903, Университет Абердина) в качестве рупора философской психологии и аналитической философии, а главным редактором стал его ученик Дж. Робертсон (George Robertson, 1852-1892), одногодок Файхингера. Бэйн пишет в своем мемуаре по поводу безвременно скончавшегося Робертсона: «В 1874 я подкинул ему мысль о том, чтобы основать кварталный журнал по философии, объясняя ему свое понимание дела и спрашивая его мнения об этом проекте. Мой замысел был в том, что он должен быть редактором в полнейшем смысле слова; и при этом условии я брал на себя издательские риски» [Bain, 1893, p. 8]. Хотя Робертсон был аффилирован с Университетским колледжем в Лондоне, журнал выпускало издательство Абердинского университета, где позднее Бэйн дважды избирался лордом-ректором. Однако издание журнала являлось независимым проектом, как следовало из вышеприведенной цитаты. Журнал также быстро стал в высшей степени космополитическим: количество статей на французском, немецком и итальянском языках порой превышало количество англоязычных текстов. В Kant-Studien ситуация была существенно иная, основным языком оставался немецкий.

Итак, в XIX в. сложились два разных образца философского журнала: как национального государственно-университетского проекта и как независимого интернационального издания. Первый выполнял функцию консолидации национальной традиции на собственном основании, а второй создавал национальную традицию путем интеграции разных мировых школ. Это существенно изменяет распространенное мнение об источниках аналитической философии как узкого «островного» течения в пользу ее изначальной транснациональности, которая в дальнейшем была забыта. Но главное здесь в другом.

Два типа философского журнала на полтора столетия раскололи мировое философское сообщество. Аналитическая философия и трансцендентальная традиция разошлись далеко в разные стороны, забыв о своем едином истоке в европейской мысли. В особенности эта поляризация проявилась в условиях неолиберальной научной политики. С одной стороны, в рамках гумбольдтовского университета или Оксбриджа знание рассматривалось как общественное благо, несовместимое с корыстными и иными внеучными интересами. С другой стороны, знание уже давно превратилось в конкурентный коммерческий продукт и источник прибыли, культивируемый предпринимательским университетом типа Стэнфорда и охраняемый им в качестве интеллектуальной собственности. Первая тенденция была созвучна континентальной философии, вторая – американскому прагматизму. Были сформулированы и введены в практику разные критерии успешности философской работы: в первом случае это, скорее, монография, во втором – журнальная статья. Едва ли можно сомневаться в том, что различие данных критериев вытекало из разной роли журналов в научном сообществе и их месте в экономике. В рамках европейского университета, с которым аффилирован журнал, функция последнего имеет вспомогательный характер. В предпринимательской же культуре журнал – часть крупного издательского холдинга, объединяющего сотни периодических изданий и являющегося формой монополистического бизнеса. Он навязывает свои стандарты научному сообществу и начинает играть в нем одну из ключевых ролей. Потребовались долгие годы, чтобы разработка и внедрение этического кодекса журнала до некоторой степени смягчила остроту данной оппозиции.

Наука в информационном обществе

Чтобы глубже понять перипетии журнальной политики в области науки, следует рассмотреть их как прямое следствие более глобально-го цивилизационного явления, называемого «информационным обществом».

В мае 2018 грядет двенадцатая годовщина резолюции генеральной Ассамблеи ООН (от 27 марта 2006 года № A/RES/60/252), провозгласившей 17 мая Международным днем информационного общества. Это понятие фиксирует одну из наиболее типичных реалий современности, к которой философия не может оставаться равнодушной. Она становится одним из приоритетных предметов исследований в рамках STS – science & technology studies. Это исследование социальных трансформаций с точки зрения развития науки и техники, т. е. когнитивные измерения постиндустриального, информационного общества и меритократии.

Можно рассматривать в качестве установленного факта то обстоятельство, что в условиях информационного общества происходят существенные трансформации в социальном институте науки. Среди них, во-первых, доминирующая ориентация на прикладные разработки и инновации; во-вторых, соответствующая экономия на фундаментальных исследованиях; в-третьих, коммерциализация, измерение научного успеха суммами привлекаемых внебюджетных средств; наконец, усиление роли рекламы и PR.

Несколько менее исследованы изменения в самом научном исследовании, обязанные IT, или информационным технологиям. В первую очередь, речь идет о распространении методов, ранее свойственных в основном математической физике и астрономии. Это компьютерный поиск и математическая обработка данных; компьютерное моделирование, методологические подходы, объединяемые термином «компьютерный империализм»; коммуникация в рамках сетевых сообществ, институтов и изданий; практика «распределенного познания»; усиление междисциплинарного и международного взаимодействия в удаленном режиме.

Таким образом, ставя вопрос о том, как изменяется природа науки под влиянием IT, мы сталкиваем между собой два взгляда на науку. Во-первых, это наука как знание (и здесь особое внимание привлекают такие новые направления исследования как компьютерная биология,

биоинформатика, вычислительная биология). Во-вторых, это взгляд на науку как социальный институт. И как только мы фокусируемся на социальных институтах, то выходим на следующий вопрос: как изменяется общество под влиянием науки с помощью ИТ? И здесь вновь возникают конкурирующие альтернативы. С одной стороны, информационное общество есть «жидкий мир», «общество нулевого трения», «война против пространства», о чем пишет З. Бауман [Бауман, 2008], где все взаимодействия кардинально ускоряются и облегчаются. Это общество многократно возросшей свободы, где идея пространственного перемещения в перспективе вообще замещается идеей информационного обмена. Но, с другой стороны, в этом обществе человек, встроенный в информационные потоки и сделавший их собственной онтологией, как всегда, попадает от нее в зависимость. Она тем более сильна, чем меньше связана с физическим принуждением, на поверхности выступая в форме свободы собственного решения – взять в руки пульт телевизора, набрать номер на смартфоне, подключиться к интернету. Эта новая, информационная повседневность выступает онтологическим основанием для пересмотра природы знания, которое выступает в облики природной, космической субстанции. Достаточно лишь заплатить за подключение к определенному ресурсу, и в распоряжении человека оказываются почти безбрежные объемы информации.

Таким образом, сегодня, благодаря ИТ (сбор и обработка данных, удаленная коммуникация, математические модели и прогнозы), знание радикально обезличивается, объективируется и отчуждается от творца. Возникает соблазн приобретения знаний путем торговой операции: покупки мощного компьютера и соответствующей программы; патента для производства новой продукции; рабочего времени самого исследователя, обязующегося производить знания для заказчика. Знание выступает как экономическая категория.

Герберт Саймон, экономист, утверждает: все аспекты знания «могут быть и были проанализированы экономическими инструментами. Знание имеет цену и стоимость производства; существуют рынки знаний с кривыми спроса и предложения и предельными ставками замещения одной формы знаний другой». Знание «является просто одним из многих товаров, которыми торгует наша экономика, пусть он и обладает большой и быстро растущей важностью. Оно требует особого отношения только из-за его особых свойств» [Simon, 1999, p. 24].

Как ни странно, но уже в середине XIX в., задолго до появления интернета сформировалась дилемма знания как товара, собственности и как результата труда, личных усилий. Так возникла идея когнитивной демократии: приобретение знания есть процесс, в котором все равны, и богатые, и бедные. В анонимной заметке из старейшего американского научно-популярного журнала читаем: «Есть некоторые вещи, которые не могут быть приобретены за богатства, и знание является одним из них. Богатство позволяет купить дома, земли, сторонников и почетные безделушки, и человек может сразу сесть и наслаждаться ими. Наследником империи можно родиться, можно от рождения быть правопреемником трона, владельцем армий и флотов, управлять всем этим и быть их обладателем, но никто от рождения не наследует знания» [Knowledge is democratic, 1851, p. 253].

Возможно, впрочем, что сегодня, в эпоху власти IT, эта идея утрачивает всякую релевантность. Так, недавно состоялся двадцатилетний юбилей шахматного турнира, когда Deep Blue – шахматный суперкомпьютер, разработанный компанией IBM, – выиграл у Гарри Каспарова. Казалось бы, сегодня в науке постепенно складывается ситуация, смоделированная в этом соревновании: ученый конкурирует с компьютером и проигрывает. Однако это не совсем так. Скорее, имеет место противостояние двух групп исследователей. Одна, будучи экипирована мощной техникой и хорошими программистами, компенсирует этим недостаточные знания в предметной области и достигает заметных прикладных результатов. Другая группа, в меньшей степени ориентированная на IT, обладает более глубокими дисциплинарными знаниями и способна на открытия фундаментального значения. Кто же победит в конкуренции? Каковы следствия такого противостояния для науки? Есть ли альтернативные сценарии развития?

И все же эти вопросы преждевременны, поскольку оказывается, что наша типология групп подлежит критике. Взять, например, ситуацию в современной биологии, которую эффектно иллюстрирует Джефф Шрагер. Он приходит к выводу, что именно биологи тратят слишком много времени на эмпирические исследования и неспособны на их обобщения, в то время как IT-специалисты используют их данные, оперативно систематизируют их и дают им теоретическую интерпретацию. Вооружившись идеей «зон обмена» (П. Галисон), Шрагер осмысливает свой опыт IT-специалиста, работавшего для химиков

и биологов, а также вместе с ними и пытавшегося преодолеть существующий между ними разрыв.

«Вот мой вывод о последних попытках преодолеть пропасть между биологами и IT-специалистами: ученые и инженеры взаимодействовали как равные коллеги, кооперируясь с помощью общей вычислительной платформы – специально-научного девайса. Оглядываясь назад, я убеждаюсь, что это было правильное решение; биологам следует думать о компьютерных ученых как о партнерах, а не электроинструментах (или их операторах)... До тех пор, как я работал в лаборатории для биологов, я никогда не был чем-то большим для них, чем плотник. Но, позволяя ученым – будь то биологам или компьютерщикам, – которые находятся на аналогичном уровне экспертного знания в своих собственных областях, работать друг с другом, не друг для друга, кооперироваться – нет, сотрудничать! – можно удовлетворить общие потребности, цели, получить объяснения и выполнить поставленные задачи» [Shrager, 2010, p. 122].

Есть основание полагать, что в современной компьютерной биологии развития [Системная компьютерная биология, 2008] приобретает совершенно неожиданный опыт синтеза традиционной натуралистической биологии, редукционистской биологии, этологии и компьютерной науки. Благодаря методам сканирования и визуализации живых организмов они исследуются одновременно как живые существа в естественной среде и как объекты, подлежащие разложению на элементы и тем самым их количественному описанию.

«Принципиальным новшеством является возможность создания имиджей живых биологических объектов, что открывает перспективу неинвазивной работы с биологическим объектом. Важнейшим компонентом компьютерной биологии является анализ полученных изображений. Разработка и применение различных софтов для анализа одного и того же изображения – оригинальный путь верификации полученных данных в компьютерной биологии. Тем самым радикально изменилась исследовательская парадигма в биологической практике. Появилась возможность уменьшить степень внешнего (повреждающего) воздействия на объект, т.е. сузить сферу деятельности принципа дополнительности. При этом пропорционально уменьшению этого внешнего влияния возрастет качество данных о строении и функции живого объекта, что напрямую связано с точностью измерения его

морфологического или физиологического состояния в ходе неинвазивного исследования» [Тирас, 2015, с.157].

Вот каким неожиданным путем реализуется принцип дополнителности в биологии, объединяющий натуралистическую этику в стиле «watch no touch» и точное количественное описание живого биологического объекта. В перспективе это открывает путь к такому же щадящему «технологическому» воздействию на живые объекты, не только не мешающему, но и способствующему их нормальному функционированию. Возможно, здесь начинается научная расшифровка, реконструкция и переоткрытие загадочных методов восточной медицины, которая сегодня еще не может быть инкорпорирована в научное знание. Такая во многом утопическая стратегия единства IT, традиционных физических и социально-гуманитарных технологий может стать магистральным направлением развития лишь тогда, когда научное знание будет в полной мере осознано как общественное благо [Callon, 1994], не подлежащее низведению до роли товара или услуги.

Журнал в мире информационных технологий

В своей известной книге «Цифровой ученый. Как техника изменяет академическую практику» (2011) М. Веллер пишет: «Печатное слово играет настолько важную роль в развитии познания (scholarship), что временами академия может показаться всего лишь придатком к издательскому бизнесу... Если какая-либо практика имеет главенствующее значение для природы познания, то это именно академическая публикация (будь то книга или статья), и ничто иное не иллюстрирует лучше коллизии между существующей практикой и возможностями, предоставляемыми цифровым, сетевым, открытым подходом» [Weller, 2011, с. 141].

В самом деле, природа информационного общества и, в частности, новые издательские технологии дают ключ к разрешению основной дилеммы, с которой сталкивается современный научный журнал. Она состоит в противоречии между требованием качества публикуемых результатов, с одной стороны, и обязанностью журнала обеспечить быстроту и доступность публикаций, с другой. Это конфликт между идеей рецензируемого журнала и идеей журнала открытого доступа в контексте роста коммерциализации науки.

На Западе считается, что задача научного журнала заключается в том, чтобы быстро и широко освещать наиболее качественные результаты исследований. Два ключевых выражения фиксируют дилемму, вытекающую из этой задачи: «peer review» и «open (free) access». Первое из них означает «суд равных» и соответствует экспертному рецензированию, принятому в журналах старого типа, распространяемых по платной подписке. Оно обеспечивает квалифицированный отбор публикаций, но удлиняет их сроки. Peer review сталкивается с этой трудностью во многом по причине бесплатного характера рецензирования, в то время как большинство ученых озабочены поиском финансовых ресурсов. Такой низкий темп также не соответствует современной конкуренции в науке, где борьба за приоритет требует быстроты публикаций. И напротив, open access определяет современный журнал, дающий бесплатный доступ к своим материалам в Интернете, но принятая в нем минимизация рецензирования снижает качество публикаций. Парадоксально, но классический журнал также не в состоянии обеспечить качество публикаций в наиболее крупном сегменте – в прикладной науке. Статьи в этой области пишутся так, чтобы не раскрыть патентованную или предстоящую патентированию информацию. Поэтому содержащаяся в них техническая информация не может быть экспериментально проверена, что вообще не позволяет говорить о качестве публикаций. В итоге все журналы постепенно распределяются во двум категориям – разделам фундаментальной науки, не имеющим явных практически и коммерчески значимых приложений и не слишком заинтересованным в приоритете, с одной стороны, и разделам прикладной науки, где скорость публикации работает не на истину, а на общественный резонанс, помогающий привлекать инвестиции. Ясно, что журналы первого типа могут существовать лишь в рамках крупных издательских холдингов или крупных научно-образовательных центров и «паразитировать» на журналах второго типа до тех пор, пока холдингу необходимо обеспечивать достаточно богатый ассортимент и имидж научного издательства. В условиях же финансового кризиса журналы первого типа – главные кандидаты на сокращение.

В России дилемма peer review & open (free) access имеет сходную форму в том, что касается различия платных и бесплатных журналов. Речь идет не о платном доступе к текстам для читателя, а о затратах авторов на публикацию, которые призваны окупить издержки издания

журнала. Ни в западных странах, ни в России не ведется сколько-нибудь серьезной борьбы против журналов, жестко навязывающих или мягко предлагающих платные услуги. Их принимают и в список ВАК, и в Web of Science, хотя рецензирование в этих журналах, скорее, декларируется, чем реально проводится, а потому и публикуются статьи весьма низкого качества. С этой ситуацией борется лишь общественное мнение и некоторые научнообразовательные центры, формирующие «черный список» журналов и издательств.

Одновременно дилемма peer review & open (free) access приобретает в России несколько иное звучание. Статус научного журнала отныне определяется не качеством его публикаций и востребованностью среди профессионалов, а включением в определенные информационно-научные базы данных и индексы: РИНЦ, список ВАК или даже в Scopus и Web of Science. Тогда основные усилия редакции и редколлегии следует направить на административную активность по соблюдению нередко искусственных и усредненных условий такого включения, а не на формирование качественного портфеля статей.

В качестве мысленного эксперимента предположим, что создается региональный журнал с «безразмерным» названием «Вопросы естественных и общественных наук», который включается в список ВАК и становится обязательным для публикаций аспирантов и докторантов. Вполне возможно, что со временем он далеко обгонит по рейтингу в elibray.ru специальный журнал «Лингвистика текста», хотя качество публикаций в последнем будет на две головы выше. В первом случае круг авторов обширен и случаен, количество прописанных индексов ГРНТИ, характеризующих научную направленность журнала, избыточно велико. Во втором случае все с точностью до наоборот. Какой журнал выиграет конкурс на государственную поддержку, если решение будут принимать чиновники?

Вопрос, вероятно, риторический, но от ответа зависят дальнейшие значения рейтингов, и так по кругу. Чего же в таком случае стоит нормативное требование публикации в рейтинговом журнале? Ровно столько, сколько в биографии таких журналов содержится принадлежности к профессиональной науке. Необходим не только акцент на количественные показатели публикационной активности (РИНЦ, SCOPUS и пр.) при оценке эффективности научной работы, но в большей мере опираться следует на мнение экспертов. И они должны быть отобраны не чиновниками, а учеными советами ведущих научно-

образовательных центров, чтобы квалифицированно определять подлинное место журнала в научном сообществе и его роль в развитии научных исследований.

В заключение. Конкретные шаги в организации научного журнала

Есть несколько простых и технологичных мер, обеспечивающих нормальную работу редакции и, как следствие, все содержание издательского процесса. Среди них – запуск электронного издательства, во многом автоматизирующего и авторскую заявку, и рецензирование, и последующую реакционную подготовку. Даже использование бесплатных интернет-ресурсов и программ позволяет существенно продвинуться на этом направлении. Привлечение же на данную платформу других журналов за минимальную плату обеспечивает вообще безубыточную работу. Такой же интегративный эффект имеет и создание базы экспертов по направлениям журнала для организации рецензирования статей. Этими экспертами выступают авторы журнала, у которых есть основание поработать бесплатно, поскольку их также публикуют без ущерба для бюджета. Весьма полезно параллельно с рецензируемым журналом развивать систему интернет-дублера (блога, форума) данного журнала для неформального обсуждения и популяризации публикуемых статей («Письма в журнал...»). Пример британского журнала «Social Epistemology», редактор которого Дж. Кольер ведет также онлайн-новый квазижурнал «Social Epistemology Review and Reply Collective», чрезвычайно показателен. Интернет-дублер рецензируемого журнала есть его рекламный инструмент, который может предлагать даже самозагрузку текстов авторами (под контролем модератора) и одновременно является ресурсом, из которого авторы перемещаются в рецензируемый журнал.

Включение в мировые базы данных – текущее и безальтернативное требование для научного журнала, даже если оно кому-то не очень нравится. Пусть это показатель не столько высокого качества статей, сколько продуманной и четкой журнальной работы, т.е. начального условия, без которого качества не обеспечить. Для повышения же качественного уровня публикаций нужно значительно большее. Здесь необходима выверенная журнальная политика по формированию и развитию собственного сегмента национального научного сообщества. Журнал должен стать «коллективным организатором» (В.И. Ленин) и

выстраивать цепочку «научное мероприятие – тематический номер журнала – коллективная монография – научная школа», играя ведущую роль в организации исследовательского процесса. Правда, речь здесь идет лишь о тех журналах, которые издаются крупными научно-образовательными центрами и могут позволить себе «платиновую» стратегию «pure open access», при которой ни автор, ни издатель не платят друг другу.

И напоследок, для характеристики качества журнала, еще одна цитата из мемуара Бэйна о Робертсоне: «Он всегда был озабочен тем, чтобы MIND выражал все оттенки разных мнений. Насколько он добился этого – другой вопрос. Редактор может открыть свои двери, но не заставить войти каждого. Я могу лишь сказать, что, насколько я знаю, он делал все возможное для сохранения сотрудничества с людьми, с мнениями которых он наиболее решительно расходился» [Bain, 1893, p. 11-12]. Примечательно, что эту важную черту философского журнала последующие редакторы «Mind» почти полностью игнорировали, чтобы в 2015 году опомниться и объявить, что журнал «стремится рассматривать качество как единственный критерий для публикации, не исключая никакой области философии, ни одного стиля философии, и ни одной философской школы» [Mind, web].

Жесткая связь журнала с одним философским направлением есть неверная политика. Идея плюрализма и толерантности – один из многих этических уроков для философского журнала, который следует затвердить. В той же мере информационное общество и компьютерная революция не могут быть самоцелью. Либо они послужат гуманистическим ценностям, либо этим ценностям суждено забвение, и тогда уже никакая философия не понадобится.

Список литературы

1. Огурцов А.П. Философские журналы // Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1978.
2. Bain A. George Croom Robertson // Mind. A quarterly review of psychology and philosophy. New series. 1893. No. 5. January. P. 1-14.
3. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
4. Simon H.A. The many shapes of knowledge // Revue l'Economie Industrielle. 1999. 88. P. 23-39.

5. "Knowledge is democratic," in: *Scientific American*, 6, 253, 26 April 1851.
6. Shrager J. From Wizards to Trading Zones: Crossing the Chasm of Computers in Scientific Collaboration // *Trading zones and interactional expertise. Creating new kinds of collaboration* / Ed. by M.E. Gorman. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 107-124.
7. Системная компьютерная биология / отв. ред. Н.А. Колчанов, С.С. Гончаров, В.А. Лихошвай, В.А. Иванисенко. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 769 с.
8. Тирас Х.П. Этика и практика биологического исследования: 200 лет эволюции // *Философия науки*. 2015. Т. 20. С. 144-168.
9. Callon M. Is Science a Public Good. Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // *Science, Technology and Human Values*. 1994. Vol. 19. Iss. 4. P. 395-424.
10. Weller M. *The Digital Scholar. How Technology Is Transforming Scholarly Practice*. London, NY: Bloomsbury Academic, 2011. URL: <https://www.bloomsburycollections.com/book/the-digital-scholar-howtechnology-is-transforming-scholarly-practice> (дата обращения: 21.09.2017)
11. Mind: Oxford University Press. URL: <https://academic.oup.com/mind/pages/About> (дата обращения: 21.09.2017)

References

1. Bain A. George Croom Robertson, *Mind. A quarterly review of psychology and philosophy*. New series, 1893, no. 5, January, pp. 1-14.
2. Bauman Z. *Liquid modernity*. Saint Petersburg: Piter, 2008. 240 pp. (In Russian)
3. Callon M. Is Science a Public Good. Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993, *Science, Technology and Human Values*, 1994, vol. 19, iss. 4, pp. 395-424.
4. "Knowledge is democratic," in: *Scientific American*, 6, 253, 26 April 1851.
5. Mind: Oxford University Press. Available at: <https://academic.oup.com/mind/pages/About> (accessed on September 21, 2017)
6. Ogurtsov A.P. *Filosofskie zhurnaly [Philosophy Journals], Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*. Vol. 29. Moscow, 1978. (In Russian)
7. Shrager J. From Wizards to Trading Zones: Crossing the Chasm of Computers in Scientific Collaboration. In: M. E. Gorman (ed.), *Trading Zones and Interactional Expertise. Creating New Kinds of Collaboration*. Cambridge: MIT Press, 2010, pp. 107-124.
8. Simon H.A. The many shapes of knowledge, *Revue l'Economie Industrielle*, 1999, 88, pp. 23-39.

9. Kolchanov N.A., Goncharov S.S., Lihoshvay V.A., Ivanisenko V.A. (eds.). *Sistemnaya kompyuternaya biologiya* [Computational Systems Biology]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2008. 769 pp. (In Russian)

10. Tiras Kh.P. Etika I praktika biologicheskogo issledovanija: 200 let evolutsii [Ethics and practice of biological research: 200 years of evolution], *Filosofiya nauki*, 2015, vol. 20, pp. 144-168. (In Russian)

11. Weller M. The Digital Scholar. How Technology Is Transforming Scholarly Practice. London, NY: Bloomsbury Academic, 2011. Available at: <https://www.bloomsburycollections.com/book/the-digital-scholar-how-technology-is-transforming-scholarly-practice> (accessed on September 21, 2017)

Поступила в редакцию 26.09.2017